

(00:06:40) (Начало записи)

Приглашение на сцену: Сессия № 1. «Центробанк России. Как перейти от сдерживания к развитию». Модератор Пронько Юрий Алексеевич, экономический обозреватель, журналист; Глазьев Сергей Юрьевич, Государственный секретарь Союзного государства России и Беларуси; Боглаев Владимир Николаевич, генеральный директор Череповецкого литейно-механического завода; Дмитриева Оксана Генриховна, доктор экономических наук, профессор, депутат Государственной Думы; Сухарев Олег Сергеевич, российский экономист, главный научный сотрудник Института экономики Российской Академии Наук, главный редактор журнала «Экономика науки» Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; Чепухин Александр Викторович, председатель совета АККОР по Ульяновской области, директор компании «Золотой теленок»; Щербаков Андрей Владимирович, директор Института социально-экономического прогнозирования имени Менделеева.

Юрий Пронько: Дорогие друзья, позвольте вас поприветствовать на нашей дискуссионной площадке в рамках юбилейного Московского экономического форума. Я думаю, у нас здесь собрались самые сильные, самые авторитетные спикеры, и мы сможем нетривиально, а предметно обсудить не только денежно-кредитную политику Центрального банка и ее влияние на общеэкономические процессы, происходящие в России, но и попытаемся найти модели, варианты выхода из той ситуации, которую называют плановым охлаждением российской экономики. Но, к сожалению, если посмотреть отрасли гражданского сектора, то мы с вами увидим, что по отдельным направлениям, если мягко формулировать, уже сложилась кризисная ситуация.

Однако я знаю точно, человек, который сидит по левую руку от меня, это Сергей Юрьевич Глазьев, он никогда не был фаталистом, при этом был последовательным критиком, в том числе денежно-кредитной политики Центрального банка, и обосновывал свою позицию в математических моделях. Сергей Юрьевич, насколько действительно ныне сложившаяся ситуация является патовой? Или из нее есть выход?

Сергей Глазьев: Выход из любой ситуации есть, как известно. Но должен сказать, что меня организаторы поставили в сложное положение, объявив меня в качестве госсекретаря Союзного государства. Поэтому, по идее, я должен рассказывать про то, как мы в нашем Постоянном Комитете Союзного государства обсуждаем вопросы макроэкономической политики.

(00:10:01)

Я не могу давать оценок Центральному банку. Если бы меня представили как академика...

Юрий Пронько: Мы можем сделать ход ферзем и представим как академика Российской академии наук Сергей Глазьев.

Сергей Глазьев: Уже поздно, Юрий Алексеевич. Уже приходится соблюдать приличия. Поэтому Центральный банк мы критиковать не будем, будем говорить о денежной политике.

Главная проблема — это порочный круг, в котором мы находимся уже много-много лет, начиная с 90-х годов, когда по рекомендациям МВФ политика Центрального банка свелась к одному показателю — снижение инфляции. И сейчас она свелась еще к одному инструменту — ключевая ставка. Инструментов много, на самом деле. Я как специалист в области экономической кибернетики могу сказать банальную истину, что если вы хотите получить эффективное управление, то у вас количество инструментов управления или, как говорят, избирательная способность управляющей системы должна быть не меньше, чем разнообразие объектов управления.

У нас сведение всего к ключевой ставке привело к примитивизации. Эта примитивизация породила порочный круг, как сейчас говорят, институциональную ловушку. Центральный банк борется с инфляцией путем повышения ключевой ставки. Следствием этого становится сжатие кредита. Прежде всего страдают кредиты инвестиционного назначения, я об этом говорил, после чего происходит нарастающее технологическое отставание от конкурентов. Платой за технологическое отставание и снижение конкурентоспособности становится девальвация рубля. Девальвация рубля вызывает новый виток инфляции, и этот порочный круг продолжается уже много лет с циклом от трех до пяти.

И просто сводить дискуссию к тому, какая должна быть ключевая ставка, — и мы попадаем в эту ловушку. Потому что я уже объяснял, что если мы просто снижаем ключевую ставку, то в условиях, когда наша финансовая система стала спекулятивной... У нас сегодня идет carry trade, когда спекулянты всего мира приходят сюда, чтобы заработать на высоких процентных ставках облигаций и так далее. Следствием снижения ключевой ставки станет подсасывание дешевыми кредитами коммерческих банков, которые тоже превратились в спекулянтов, и которые будут наращивать операции на валютном рынке против рубля и готовить очередную девальвацию. Мы с этим сталкивались уже трижды за последние пятнадцать лет.

Поэтому главный вопрос — это как выйти из порочного круга на круг экономического процветания и расширенного воспроизводства экономики, это доступ к кредитам производственной сферы. И здесь я бы сделал упор на специальных инструментах рефинансирования, которые в свое время ввело правительство Примакова вместе с Геращенко. Суть в том, что Центральный банк создает специальный механизм кредитования коммерческих банков (я бы добавил — институтов развития) под 0,5% или 0,1%.

Коммерческие банки, исходя из целевого назначения этого инструмента, кредитуют проекты, которые входят в стратегические планы правительства, поддерживаются министерствами и ведомствами, ориентированы на рост производства, на повышение технического уровня, на повышение эффективности, на импортозамещение и обеспечивают нам рост выпуска товарной массы и повышение эффективности, благодаря чему достигается долгосрочная макроэкономическая стабильность. Не за счет сжатия спроса, а за счет наращивания производства товаров и повышения эффективности этого производства.

Я на пленарке говорил, какие у нас есть возможности для этого, не буду сейчас повторяться.

Мы говорим о том, что можно выйти на темпы роста до 8% ВВП в год. Сейчас это нереально, потому что бóльшая часть производственной сферы отсечена от кредитов. Процентные ставки выше нормы рентабельности в большинстве отраслей обрабатывающей промышленности, особенно машиностроения. Доступа к кредитам нет, значит, нет возможности расширенного производства.

Вот пример того, как должны действовать денежные власти. Я уже ссылался сегодня на известную теорему, согласно которой главной целью Центрального банка должно быть создание условий для наращивания инвестиций. Наращивание инвестиций — ключевое направление современного НТП: вычислительная техника, цифровизация. Благодаря инвестициям в этот сектор цена единицы вычислительной мощности резко упала в сотни, в тысячи раз и продолжает падать. Иными словами, она стремится к нулю, становится бесконечно малой величиной.

(00:15:00)

Хотя график пологий, но сокращения себестоимости тоже идут в разы.

То же самое касается цены единицы вычислительной мощности. Вот пример: мы тратим деньги на микроэлектронику — получаем тысячекратное удешевление единицы вычислительной мощности. Не тратим — значит, будем покупать чужую вычислительную мощность, а может быть, вообще ничего не сможем купить.

Мировой опыт хорошо известен, я уже показывал. Все примеры экономического чуда — это рост нормы накопления в разы. Других вариантов нет. Источник финансирования тоже очевиден: это целевое создание денежной массы, монетизация экономики за счет целевых кредитов Центрального банка. При этом инфляция падает, потому что, как показал опыт и современного Китая, и до этого «азиатских тигров», а до этого и нашей страны, и западных стран, наращивание кредитов в интересах расширения производства и наращивания инвестиций влечет за собой макроэкономическую стабильность. Потому что главным фактором макроэкономической стабильности, как и экономического роста, является научно-технический прогресс. Мы его стимулируем, направляем туда кредиты, соответственно, получаем макроэкономическую стабилизацию.

Маленький экскурс в теорию. Политика таргетирования инфляции достаточно нелепая в том виде, в котором она у нас реализуется, потому что она предполагает, что экономика находится в состоянии равновесия, и мы должны это равновесие всячески поддерживать, не думая об экономическом росте. Но современная экономика никогда не бывает в состоянии равновесия. И эта догматика денежных властей, которая на нее опирается, тоже не соответствует главному фактору экономического развития — научно-техническому прогрессу. Все тринадцать предпосылок в денежной политике, которая сегодня проводится, нереалистичны. Попытка на них опираться и их внедрять — это губить научно-технический прогресс, губить развитие и, соответственно, допускать стратегические ошибки.

В чем я вижу главную ментальную проблему? Наши денежные власти думают, что деньги — это монеты. Как было написано в «Капитале» Маркса, «товар особого рода». На самом

деле сегодня деньги — это инструмент связывания ресурсов. Конечно, они могут быть и монетами, но это не главное. Современные деньги, как все уже понимают, это фиатные деньги. Они создаются без материального обеспечения под экономическое развитие. Разные страны используют разные схемы. Например, Советский Союз создавал деньги под наращивание капитальных вложений, европейцы создавали деньги после войны под рост производства, под векселя предприятий, США создают деньги под дефицит бюджета, под долги, Китай создает деньги под все направления, в том числе и под рост производства, как Советский Союз. То есть деньги — это инструмент связывания ресурсов.

Есть исследования, которые показывают, что инфляция растет, когда денег не хватает, а также когда их избыток. Нет линейной пропорциональной зависимости между денежной эмиссией, монетизацией и инфляцией. Исследование было проведено по девятидесяти странам мира. Везде мы видим локальные экстремумы, которые говорят о том, что если денег меньше, чем нужно для нормального воспроизводства экономики, связывания ресурсов, инфляция растет точно так же, как когда денег слишком много, когда они избыточны.

Здесь хорошо известные графики, которые свидетельствуют о том, что у нас инфляция падает, когда монетизация растет, вопреки мнению монетаристов. Точнее, у нас производство растет одновременно с монетизацией. Но так и должно быть. Есть любопытный график, который говорит о том, что у нас инфляция растет, когда монетизация экономики снижается, и наоборот: когда монетизация растет, инфляция падает. Это связано как раз с тем, что наша инфляция обусловлена тем, что денег меньше, чем нужно для связывания ресурсов. Когда их меньше, чем нужно, появляются такие негативные вещи, как простаивающие производственные мощности, нереализованные научно-технические проекты, невостребованные новации. Блокируется экономическое развитие. Экономика работает неэффективно, вполсилы, возможности развития не используются, и вот результат.

Замечу, что мы оцениваем потери нашей экономической системы от такого рода политики за последнее чуть больше чем десятилетие в 50 триллионов рублей недопроизведенного ВВП. Сейчас, если брать 15 лет, то это уже порядка 70 триллионов недопроизведенного ВВП.

(00:20:03)

И мы видим, что ущерб от такой политики в четыре раза превышает ущерб от санкций, согласно нашим эконометрическим расчетам.

В завершение скажу, что в основе этой политики лежит малоизвестное исследование МВФ, которое показало, что ни один центральный банк в 30-е годы в Европе не смог реализовать одновременно несколько целей: таргетировать инфляцию, курс или объем денежной массы. Из этого сделали странный вывод о том, что можно таргетировать только одну цель, на которой сегодня основана денежная политика. Одна цель — инфляция, и один инструмент — ключевая ставка. На самом деле, можно показать, что при нынешней ситуации, если мы держим валютное регулирование открытым, то есть мы разрешаем

свободу ввоза и вывоза капитала, и у нас нет ограничений по капитальным трансграничным операциям по обмену валюты, то тогда, какие бы мы инструменты ни применяли, у нас все равно иностранные валютные спекулянты доминируют над рынком. А такие спекулянты у нас не только извне, но и внутри. У нас крупнейшие банки стали крупнейшими валютными спекулянтами после ухода американских спекулянтов. То есть в рамках такой политики выгодно заниматься спекуляциями, и спекулянты фактически манипулируют рынком, используя свободное плавание курса рубля.

Таргетирование инфляции — это трансграничная свобода движения капитала, это свободное плавание курса рубля и сведение всего инструментария к ключевой ставке. По странному недоразумению эта политика названа таргетированием инфляции, хотя главный фактор инфляции — девальвация рубля — здесь, по сути дела, легализуется и остается в силе. Поэтому в рамках такой политики добиться сколько-нибудь серьезного среднесрочного даже снижения инфляции невозможно, потому что последующая девальвация рубля все снова опрокидывает.

О последствиях я уже сказал. И в заключение: уже и сам МВФ признал, что эта политика не достигает цели. Но дело в том, что у нас появились бенефициары этой политики. Это те же самые спекулянты, это корпорации, которые не хотят возвращать валютную выручку, это крупный капитал, который предпочитает оставаться за рубежом. И весь этот набор экономических агентов, которые не видят будущего в российской экономике и вытаскивают деньги за рубеж, — бенефициары этой политики. В их интересах она проводится. И как ни странно, их влияние до сих пор оказывается доминирующим. Спасибо.

Юрий Пронько: Несмотря на санкции и другие моменты, связанные с рестрикциями.

Среди нас есть человек, который точно имеет возможность задавать свои вопросы председателю Банка России. Я имею в виду Оксану Дмитриеву, депутата Государственной Думы России. Оксана Генриховна, вы же слышите, как и мы все, рассказы про плановое охлаждение экономики, про верность проводимой политике. Академик Глазьев сказал про таргет 4% по инфляции. Не устали от того, что из года в год одно и то же?

Оксана Дмитриева: Я действительно имею возможность задавать вопросы. Пока на последнем этапе у меня уже эту возможность исключили. Я была единственным человеком, кто голосовал против назначения Набиуллиной и против отчета Центрального банка последовательно.

Что я могу сказать? Я все-таки хочу добавить к тому, что уже было сказано очень много. Дело в том, что в политике Центрального банка ошибка на ошибке, один ложный догмат на другом ложном догмате. Там не один порочный круг, а несколько. Можно от любой точки чертить этот порочный круг. Вы меня можете прервать на любом моменте, потому что мы все ссылаемся на другие страны, но это случай уникальный. И когда мы говорим о кризисе, о выходе из экономического кризиса, в любом случае это выход из циклического кризиса перепроизводства. У нас кризис был создан на ровном месте, охлаждение, которое названо «охлаждением экономики», без всяких на то объективных причин.

(00:25:01)

Теперь то, о чем я считаю необходимым сказать. Во-первых, по таргетированию инфляции. Таргет — это вообще непонятно что. Это не цель. Ну как это — цель, которая никогда не достигается? А если она не достигается, почему ее ставят? Для того, чтобы к ней стремиться. Это как флаг наверху для того, чтобы на него смотреть. Базируется это таргетирование инфляции, на мой взгляд, на очень сомнительном теоретическом постулате: кривая Филлипса, десять раз переделанная под современное понимание инфляции, заработной платы, безработицы и всего прочего. Никогда, нигде никакого положительного результата эта политика не дала, что уже признано. В последнем докладе МВФ признали безуспешность этой политики.

Далее. Во-вторых, Набиуллина, неоднократно выступая в Государственной Думе, говорила о том, что нужно охладить экономику, поскольку избыточный спрос и нет адекватного предложения из-за ограниченности производственных ресурсов и дефицита кадров. На самом деле полная ерунда, поскольку мы уже видели недозагруженность мощностей, они отнюдь не работают на пределе. По дефициту кадров — это вообще особая статья. И самое главное не ключевая ставка, а низкая производительность труда.

Но низкая производительность труда как раз из-за эффекта масштаба. Любой производитель скажет, что мы стали осваивать новые виды продукции или расширять производство, но для того, чтобы повысить производительность труда и снизить себестоимость, нужен эффект масштаба. Нужно работать и расширять этот рынок. А для того, чтобы добиться эффекта масштаба, нужно, наоборот, расширять производство. Поэтому все вообще в обратную сторону.

Следующий момент. ЦБ осуществляет подавление кредитной эмиссии. Нужно сделать кредит дорогим и недоступным. Но, тем не менее, банки же должны на что-то жить. Если они кредиты не дают, депозиты к ним идут, кто у них будет брать кредиты? И вот кредитная эмиссия компенсируется фактически бюджетной эмиссией. Потому что на выручку банкам приходит самый большой помощник — это федеральный бюджет. По 2025 году федеральный бюджет банкам отдал около пяти триллионов рублей. Где-то три триллиона — это обслуживание долга. То есть фактически кредиты не берут, а кто берет? А берет бюджет под плавающий курс и отдает это все с процентами. Причем берет на длительные сроки.

И субсидирование процентной ставки. Прежде всего, это ипотека. Все говорят, что по последним данным социальная ипотека уже 80% процентов, а рыночная — всего 20%. Ну и различное, не очень большое, но все-таки субсидирование промышленности, сельского хозяйства, фабрика проектного финансирования и разные не очень значимые, но все-таки существующие программы субсидирования ставок. Банкам все прекрасно и удивительно. Никто не берет кредиты, но всегда есть бюджет, который все возьмет и за все заплатит.

А дальше следующее. Мы говорим о том, что порочный круг можно начинать с любого момента и дальше его чертить. А для того, чтобы компенсировать доходы бюджета, чтобы бюджет заплатил банкам, чтобы компенсировать высокую ключевую ставку, повышаются

налоги. С 2025 года повышена ставка до 25% по прибыли. И первый этап был — увеличение налогообложения малого бизнеса, снижение порога для неуплаты НДС.

(00:30:00)

Это в 2025 году, а в 2026 году уже полноценный полномасштабный наезд на малый бизнес и повышение НДС с 20% до 22% процентов.

Дальше. Коллеги, я не очень хорошо отношусь к выборочным и специфическим инструментариям, например, дифференцирование кредитных ставок, в том числе учетных ставок, в зависимости от того, кому дают кредиты. Приведу пример по прибыли. Повышается до 25% ставка налога на прибыль. При этом никакой общей инвестиционной льготы по налогу на прибыль не вводится. И говорится, что мы будем целенаправленно заключать соглашения и давать федеральный инвестиционный налоговый вычет.

Дополнительно в бюджет за счет налога на прибыль поступило около 1,7 триллиона рублей. Пока общих данных нет, будем считать так. Как вы думаете, на какую сумму дали инвестиционный налоговый вычет? Говорили, что будет 150 миллиардов. В итоге — 11 миллиардов. То есть 1,7 триллиона изъяли, 11 миллиардов кое-кому дали. Вот так мы управляем бюджетом.

Юрий Пронько: Цифры говорят сами за себя.

Оксана Дмитриева: Не могу не сказать еще одну вещь. По поводу заработной платы. Об этом очень много говорила госпожа Набиуллина. Дефицит рабочей силы, гонка зарплат, которая ничем не компенсируется. Образуется избыточный платежеспособный спрос. Прекрасно. Значит, зарплаты нужно ограничивать. Но тот же платежеспособный спрос физических лиц формируется за счет процентов по депозитам.

Так вот, я вам скажу: если на начало всей этой истерии доходы по депозитам в 2023 году составляли около двух триллионов рублей, теперь это девять триллионов. Если на старте депозиты по отношению к фонду заработной платы составляли где-то 4% от фонда заработной платы на тот момент, то сейчас это 18%. То есть практически 20% — процентные доходы физических лиц по депозитам. А чем вообще платежеспособный спрос, который формируется доходами по депозитам, лучше, чем заработная плата? Там это заработанный доход, заработная плата, а тут просто пассивный доход.

Сергей Юрьевич много говорил о монетизации, что нужны деньги в экономику. Они формируются, только распределяются по-другому, по другим каналам. И надо сказать, что когда мы говорим о политике ЦБ, мы еще плохо прослеживаем, какие тектонические сдвиги вызваны этой политикой и в структуре доходов, и в социальной структуре. Потому что что это такое, когда процентный доход по вкладам — 20% от фонда заработной платы? У вас просто класс рантье сформировался. И более того, интересные этой политики — не только банки, это широкий круг физических лиц, у которых весьма существенные активы.

В заключение хочу сказать, что охладить-то экономику легко, а вот разогреть сложно. И выходить все равно придется всеми традиционными способами выхода из кризиса. И при этом все эти рецепты выхода из кризиса, к сожалению, проинфляционные, потому что из

кризиса выходили всегда, когда инфляция на нуле, когда вообще дефляция, когда реальный перегрев, а тут целенаправленное охлаждение экономики.

(00:34:57)

Поэтому поставленная президентом задача о том, чтобы и рост ускорить, и инфляцию не разогнать, на мой взгляд, практически невыполнима.

Юрий Пронько: Спасибо большое. Я хочу от слов Оксаны Дмитриевой перейти к Владимиру Боглаеву, к людям, которые занимаются бизнесом, производством. Существуют две версии. С одной стороны, легко разместить денежные средства на банковском депозите, иметь пассивный доход, о чем говорила Оксана Генриховна, и особо не волноваться, создавая производство, рабочие места и так далее. А второй момент — это резко возросшая фискальная нагрузка. У нас считается, что с 2026 года резко повысились налоги, но это не так. С 2025 года надо считать. Фискалка растет с 2025 года, причем достаточно существенными темпами. Я хочу понять, с точки зрения промышленника, производственника мы где сейчас находимся?

Владимир Боглаев: Друзья, коллеги, соратники, добрый день! Я скажу так: то, о чем мы сейчас говорим, это в какой-то мере теория. Теория, которая мне нравится, которую я понимаю. Почему? Потому что я отношусь к классу лабораторных мышей, которых в России осталось не так много. Все эксперименты, которые проводились 30 лет, проводились над такими, как мы, производственниками. Мышей осталось мало, но те, кто выжил, уже достаточно опытные и умеют прятаться по углам. Но, исходя из этого, опыт выживания у нас такой, что позволяет за каждым новым нормативным решением видеть суть происходящего. Поэтому я соглашаюсь с нашими спикерами практически во всем и перейду к докладу.

Я перейду к модели глобальной конкуренции, которую я воспринимаю как пирамиду. Каждая страна имеет определенную пирамиду, которая состоит из пяти основных слоев. Самая верхушка — это люди, которые обладают реальным знанием. Знанием не только науки, техники и технологий, но и реальным знанием, которое определяет определенный слой, занимающийся управлением в рамках тех целевых установок, которые обеспечивают владельцы знания.

Потом существует сегмент тех, кто создает добавленную стоимость на этой территории. И этот сегмент производства, производственный сегмент, в том числе, не только производит добавленную стоимость, которая позволяет кормить всю пирамиду, но и является заказчиком на новые знания, на новые технологии. И чем больше разрастается сегмент производства, тем больше появляется возможностей расширять знания вверху и тем больше это позволяет кормить людей, которые находятся в производстве услуг, и неизбежного количества людей в любом обществе, которое можно отнести к дотационному потреблению.

В итоге что произошло в нашей стране? В нашей стране, когда распался Союз, третий сегмент был кратно уменьшен, и производство добавленной стоимости максимально снизилось. Но понятно, что люди из этого сегмента попали не в сегмент высшего

управления, а в сегмент производства услуг и дотационного потребления, которое, по большому счету, надо было кормить. Соответственно, падающий в объеме третий сегмент резко снизил потребность в знаниях и в технологиях, что мы с вами и замечаем, и снизил производство добавленной стоимости, оставив единственным средством кормления природную ренту.

Но природную ренту, когда у вас есть хоть что-то, что производить, вы можете сами добывать и продавать. Ситуация, когда у вас сужается производство добавленной стоимости, и вы вынуждены переходить на внешние технологии добычи, которые забирают на себя вашу природную ренту. А четвертый и пятый сегмент у вас растет и требует все больше и больше. Электоральная масса раскладывается на оставшиеся 7%, которые работают в третьем сегменте, и растущую массу услуг и дотационного потребления, которые занимают 80% электоральной массы, которые, безусловно, продолжают голосовать за то, чтобы у них доходы росли, а в третьем сегменте падали.

В итоге, что такое сохранение макроэкономической стабильности? Мы говорим: у нас ВВП вырос на процент или на два. А каким образом у нас ВВП растет, когда производство реально падает на 30-50%? Все очень просто. Дело в том, что ВВП, который мы сегодня считаем, складывается из двух составляющих. Первое — это непосредственно часть ВВП, которая создается при производстве добавленной стоимости производства. А вторая часть ВВП тоже считается валовым продуктом, но это ВВП, который идет за счет проедания созданного богатства, добавленной стоимости, и проедания природной ренты.

(00:40:04)

Соответственно, чем больше мы прожираем то, что у нас есть, тем больше у нас растет ВВП, хотя сами «мышцы» у нас падают.

В итоге у нас уже не хватает сил самим поднять ложку, и нас с удовольствием кормят со стороны. Почему? Потому что чем позднее мы начнем сами заниматься своими мышцами, тем больше мы разжиреем, и тем меньше у нас будет возможности вернуться в состояние, когда организм работает сам по себе. И хорошо, если это просто жир, а не раковая опухоль, которая выедает организм.

В данной ситуации мы тоже попадаем в замкнутый круг. Итак, человеку, который привык сидеть на диване и жрать, говорят: «А теперь надо заняться физкультурой, иначе ты через год, через два вообще не встанешь с дивана. Но для этого тебе придется похудеть, тебе придется качать мышцы, тебе надо меньше жрать фастфуда и переходить на белковую пищу. И тренироваться, тренироваться, тренироваться». То есть, по сути дела, вариантом выхода из ситуации будет необходимость меньше кормить четвертый и пятый сегмент, который является основной электоральной базой на очередных выборах. Кто же на это дело пойдет?

Поэтому в данной ситуации что произошло сейчас? Мы говорим: поднялись налоги. Налоги поднялись на кого? Опять-таки на третий сегмент, на то, что еще от «мышц» осталось в стране. Поднялись налоги на производство добавленной стоимости, и фактически по-прежнему сохраняется возможность кормить фастфудом, проеданием природной ренты, и

сегмент услуг.

Сегодня на Пленарке приводились очень интересные цифры. Про какой дефицит кадров мы говорим, когда академик Нигматулин показал цифры? У нас в машиностроении работает 400 тысяч человек. У нас не хватает кадров. Курьеров — полтора миллиона, охранников — один миллион. А кто кормит эти два с половиной миллиона человек, охранников и курьеров? Мы понимаем, что это ложится на этих самых 400 тысяч машиностроителей, которых продолжают объедать для того, чтобы сохранить зарплату и перевезти людей из провинции в Москву на велосипеды. Это же отсюда перекачка идет.

Поэтому дальше возникает вопрос: а каким образом вы можете уменьшить потребление сегмента услуг и распределить?.. Да, есть один из вариантов: а давайте мы будем финансировать производство, давайте мы будем создавать им условия. Но тут возникает два момента.

Первый момент: у вас есть возможность прокредитовать. Но, как правильно сказал Сергей Юрьевич, когда мы пытаемся кредитовать банки, они сделают все возможное, чтобы дополнительные деньги, которые попали им через Центральный банк, не попали в производство, а ушли в спекуляции. Это рано или поздно попадет в увеличение покупки импортного оборудования, импортных технологий, но не нашего отечественного. Как говорится, не в коня корм. Нецелевое финансирование однозначно не попадет в накачивание мышц. Это первый вариант.

И второй вариант: если мы действительно не увеличиваем количество денег в экономике, то перераспределять деньги от сегмента, который сегодня занимается услугами, в сегмент производства. И мы сегодня видим, как потребители, мягко скажем, очень недовольны, и их можно понять, когда их пытаются пересадить на отечественные автомобили и на отечественный программный продукт. Если вы 30 лет все это дело уничтожали, за один щелчок обеспечить радостный переход не получается.

Нельзя делать такого рода вещи. Это как если вы решили похудеть и приняли решение: «Так, с завтрашнего дня худею и примерно месяц не ем». Это, наверное, на первом этапе приведет к похудению, безусловно. Мышц не добавит, но через месяц вы сдохнете. Может, даже раньше. Примерно сейчас ЦБ сказал: «Ребята, раз не получается, значит все, голодовка, месяц не едим. А там посмотрим, что будет».

Произошла следующая ситуация. В итоге охлаждение произошло. Для меня вопрос сейчас следующий: мы уже охладели настолько, что без дефибриляции не обойтись? Возможно, у нас уже не 36 градусов, возможно, 27, но до 36 градусов поднять температуру одеялом не получится. Мы можем только опускаться дальше до комнатной температуры. Необходимо запускать сердце. Сама по себе температура не поднимется от того, что вы добавите или снизите ставку. Уже поздно поднимать температуру методами ключевой ставки.

Поэтому необходимо принимать жесткие, резкие решения, которые позволят так или иначе перераспределять ресурсы непосредственно в производственные технологии и обеспечивать целевое назначение финансовых ресурсов страны, которые сегодня,

безусловно, есть, для того чтобы возвращаться в число стран, которые имеют не просто высокий объем ВВП, а у которых структура ВВП основана на экономике производства. Спасибо.

Юрий Пронько: Спасибо вам. Олег Сергеевич, господин Боглаев очень много говорил о физиологии. Мне хотелось бы понять с вашей помощью: клиент скорее жив или скорее где, на ваш взгляд?

(00:45:06)

Олег Сухарев: Добрый день, уважаемые коллеги! Мы все говорим примерно об одном и том же. Я постараюсь, конечно, не повторяться, но, в отличие от Сергея Юрьевича, я не занимаю высоких государственных постов и могу откровенно сказать, что, на мой взгляд, как научного работника, политика таргетирования в России провалена. Я имею в виду инфляцию. А другого таргетирования, к сожалению, нет, потому что борьба за эту цель, по существу, бьет и по целям нацпроектов, и другим целям развития.

Вообще очень интересная риторика, она меня всегда забавляла: «управляемое охлаждение», мы охлаждаем. Но если вам понадобилось охлаждать, значит, вы неверно разогревались. Я не вижу иной логики. Вы не управляли развитием, не управляли разогревом.

Юрий Пронько: Охлаждение идет по плану.

Олег Сухарев: Другого не дано. У вас по плану не шло развитие, не шло разогрева. Потом Сергей Юрьевич сказал о «Единых направлениях денежно-кредитной политики». Это базовый документ, там постоянно о равновесии. Возьмите за любой год этот документ, и там рыночное равновесие, равновесие экономики, равновесие ВВП. Но послушайте, когда вы получаете равновесие при возможно меньшем ВВП и меньшей динамике цен, а затем президент ставит вам задачу обеспечить рост экономики, вы ничего по существу не поменяли. Вы начинаете пытаться осуществить какой-то рост, но ваша же политика — рестриктивная, жесткая монетарная — направлена против этого роста.

Я хотел бы проиллюстрировать это некими эмпирическими данными. Здесь в основном росстатовские данные и собственные расчеты. Мы посчитали в реальных ценах ВВП, вы видите, как тормозится рост: 2024 год, 2025 год, 2026 год, январь — минус 2%. И по первому кварталу уже есть ориентировочные оценки, что торможение очень серьезное, вплоть до минуса. А по отдельным видам деятельности, конечно, минус. Лишь некоторые в плюсе. Этот баланс, конечно, не может быть объяснен календарно. Экономические власти президенту даже объясняют, что календарные процессы в январе, дескать, праздники. Ну, праздники были и в 2024 году, и в 2023-м. И потом, праздники могут дать минус 0,3, минус 0,2 ВВП, но не минус два. Это не тот порядок цифр. То есть люди даже не чувствуют цифр.

До 2025 года не было данных, я не посчитал, а в реальных ценах внутренние затраты на исследования и разработки в 2024 году ниже, чем в 2011-м. Это мы решаем задачи технологического суверенитета и технологического обновления в стране и поддерживаем науку? Ниже 2011-го!

Еще хотел бы обратить ваше внимание на следующее. Два графика. Один показывает связь темпа российского роста на значительном интервале времени — 24 года — и структуры инвестиций в финансовые активы и нефинансовые. Тут связь обратная. У нас темп роста тормозится, по существу, финансовыми инвестициями. Мы смотрели по многим странам. Ни одна страна не показывает такого кратного превосходства финансовых инвестиций над нефинансовыми. Именно эта структура тормозит нам развитие. И, конечно, процентная ставка играет роль индексации доходов спекулянтов, по существу. Не нас с вами, не научных работников, ни инженеров, ни учителей, ни врачей, а финансовых спекулянтов. И поэтому Сергей Юрьевич абсолютно справедливо сказал, кто бенефициары.

Вы также можете видеть прямую связь инфляции и процентной ставки. Регрессионная зависимость. Конечно, аналитики Центробанка выкрутились бы и сказали: «Ну что вы хотите? Инфляция подскочила — мы подняли ставку, инфляция снизилась — мы опустили, поэтому и связь прямая».

(00:50:03)

Но дело в том, что они не учитывают следующий канал, когда процентная ставка и ее повышение, по существу, работает проинфляционно. И чтобы «победить», в кавычках, инфляцию, они вынуждены повышать эту ставку в 2,5-3 раза, по существу.

Мы делали обсчеты, когда ее снижали с 16 до 7%. Это был период в 2000-е годы, примерно с 2000-го по 2010-й. И это снижение привело к увеличению инвестиций в реальном секторе в 1,8 раза, а в финансовом секторе — в 4,6 раза. Вот вам пропорция, как у вас институционально и структурно организована экономика. Такая экономика без изменений в финансовом секторе не будет давать вам качественного роста.

Даже при этой центробанковской политике мы посчитали изменение совокупного спроса и предложения. Оксана Генриховна говорила, абсолютно верно, что спросовые характеристики действуют, конечно, проинфляционно, но предложение у нас гасит инфляцию, а для стимулирования предложения как раз ничего и не делается. Теоретические объяснения дал Сергей Юрьевич, я не будут повторяться. Просто скажу, что неоклассические схемы связи изменения спроса и предложения с процентной ставкой, когда эта связь отрицательная, не работают. А связь, например, для спроса может быть на каком-то интервале и положительной. И тогда инфляционный разрыв возрастет.

Что структурно менялось в экономике? Показано по компонентам ВВП изменение вклада элементов в темп роста. Валовое потребление возросло, доля инвестиционных расходов снизилась и чистый экспорт просел. Вы видите динамику по компонентам, по расходам.

Теперь по секторам: транзакционный сектор, сырьевой и обработка. Транзакционный доминирует, доля обработки чуть-чуть возросла в 2023-2024 году, но темпы снижались, и поэтому нижний график показывает нисходящий вклад всех секторов в динамику.

Неоклассики очень любят считать совокупную факторную производительность. Я, кстати, не люблю. Это дутый показатель, во многом тоже привязанный к равновесным схемам. Но здесь я посчитал. Она снижалась даже в тучные годы роста, в 2000-2003-м, и снижалась в 2023-2024 годах. И общий тренд после 2011 года на снижение. Причем труд

детерминировал этот показатель, а не капитал. То есть у нас серьезные проблемы с фондовым обеспечением экономики.

Производительность труда и заработная плата. Нам предлагают мантру, что нельзя повышать заработную плату без повышения производительности. А как вы повысите производительность, на одном труде без замены фондов? А как вы замените фонды при таких процентных ставках и при таком кредитовании? В рамках этой политики за эти годы нет связи. Регрессия не строится. Индекс производительности и зарплата, по разбросу точек видно, что ничего не получается. А значит, в этом случае вы можете использовать заработную плату в отдельных отраслях, особенно в наукоемких, как метод, способствующий развитию этих отраслей. Я имею в виду повышение зарплаты и повышение производительности.

Интересно отметить, как труд перетекал между секторами. Взять агрегатный сектор обработки и транзакционно-сырьевой агрегатный сектор. До 2024 года мы имели отток из обработки в пользу транзакционных и сырьевых видов деятельности. Но в 2023-2024 году мы впервые имеем приток труда в сектор обработки. В том числе и оборонный заказ сыграл роль, отдельные методы стимулирования. Но возникает вопрос: если дефицит труда, откуда взялся труд? Я лет двадцать уже повторяю, еще на первых МЭФах говорил, что ресурсы у нас сосредоточены в секторах, которые разбухли несправедливо и неправильно, обанкротив наукоемкое развитие.

(00:55:07)

И оттуда мы можем сейчас брать, в том числе, и труд. По крайней мере, фактически мы имеем переток, который регистрируется статистикой.

И, выходя на заключение, я хотел бы сказать, что мы провели эшелонированный регрессионный корреляционный анализ, который подтверждает положительную связь инфляции и процентной ставки, обратную связь монетизации и инфляции, и слабо положительную связь монетизации и роста. На основании этого анализа мы получили вывод, что политика таргетирования инфляции — банкрот. Долгосрочные связи на длительном интервале не подтверждают целесообразность этой политики.

А далее мы провели распределенный анализ влияния разных инструментов, монетарных и бюджетных, на цели развития. Это темп роста, инфляция, совокупная факторная производительность и технологичность, под которой мы понимали технологические инновации и их доминирование. Оказалось, что ни один инструмент, по существу, кроме Фонда национального благосостояния, на технологичность не влиял. Просто этот фонд финансирует отдельные проекты, поэтому плюсики появляются при регрессионном анализе. На факторную производительность по существу влиял только бюджет. И все. И дальше бюджетные возможности, по существу, выключены. Монетарная политика оказалась сильнее бюджетной по влиянию на эти же цели. А влияние было то, о котором сказал и Сергей Юрьевич, и ваш покорный слуга.

Возникает задача синхронизации бюджетной и монетарной политики, которые бы работали на развитие. И вот здесь интересное исследование Родрика Лэйна и Юханссона

2023 года по странам, где анализируются меры промышленной политики. Посмотрите первую четверку мер. Не надо смотреть все. Для стран с высокими доходами и средними — это субсидии, это субсидирование процентных ставок, это денежные гранты, ну и гарантии. В России все эти виды инструментов, по существу, если огрубить, не работают за редкими исключениями, а если и применяются, то локализовано.

И последнее. Месяц назад МВФ заказал исследование, и они его опубликовали (там страниц 70 или 76), в котором рассуждают для развивающихся стран о промышленной политике и говорят, что управление промышленной политикой через субсидии, кредитование и институты развития может оказаться сильнее, чем политика ГЦБ и монетарная политика. Конечно, для России это вряд ли верно с большими оговорками по тем причинам, о которых я сказал, но они там призывают создать орган управления промышленной политикой.

Я помню МЭФ 2016-2017 года, когда я участвовал, мы предлагали аналог Госплана для решения этих вопросов. Прошло десять лет с 2016 года, и ни закона о стратегическом планировании, ни соответствующих институтов планирования, которые бы решали эти вопросы пропорций между финансовым сектором и реальным, не создано, и ничего не работает. А МВФовцы сейчас пришли к этому и рекомендуют это для развивающихся стран. Если дальше так и пойдет с аналитическим и научным обоснованием наших решений, то мы вечно будем не развиваться и крутиться вокруг пресловутой процентной ставки. Чего бы не хотелось, конечно. Спасибо.

Юрий Пронько: Спасибо. Я, единственное, буду всех просить все-таки укладываться в обозначенное время, потому что у нас есть не только дискуссионные темы, которые мы с вами обсуждаем непосредственно на платформе, но и вопросы зрителей Московского экономического форума. Их очень много. Поэтому единственная просьба — по времени внимательно следить за хронометражом.

(00:59:57)

Александр Викторович, у меня всегда возникает вопрос к тем, кто стоит на земле: что же больше всего на вас сейчас влияет? Не с точки зрения макроданных, которые действительно разбираются на большом общероссийском уровне, а с точки зрения ведения своего дела, бизнеса в конкретном регионе. С чем вы больше всего сталкиваетесь? Какие противоречия, проблемы бьют по вам наиболее сильно?

Александр Чепухин: Чтобы сэкономить время начну, наверное, с земли. Я думаю, будет интересно, что происходит сейчас, в данное время. Моему сельхозпредприятию исполнилось 20 лет, то есть история большая. Так сложно с экономикой, как сейчас, не было никогда, начиная с 2006 года. История огромная. Я являюсь его собственником, я руковожу этим предприятием, на протяжении всех этих лет я веду всю оперативную деятельность.

Поэтому я когда начинаю читать и вникать в то, что нам транслирует тот же Центральный банк, как он объясняет все свои действия, многие действия, конечно, вызывают у меня недоумение. Например, то, что они называют жесткой денежно-кредитной политикой на сегодняшний день, и как они ее оправдывают. Положительные последствия, как это видит

Центральный банк. Сдерживание инфляции. Основное достоинство жесткой денежно-кредитной политики заключается в ее способности эффективно сдерживать инфляцию. Это помогает сохранить покупательную способность населения и поддерживать стабильность экономики. Здорово! Экономика на сегодняшний день ну такая «стабильная».

А в чем измеряется инфляция? Извините меня, у меня свои способы измерения. Если в 2012 году за один зерноуборочный комбайн я отдавал одну тысячу тонн пшеницы, в прошлом году я отдал 3,5 тысячи тонн пшеницы за тот же самый комбайн той же модификации, той же модели и той же марки. Мы что, инфляцию сдерживаем? Кто ее сдерживает, где ее сдерживают и в чем ее измеряют, эту инфляцию? То есть это было 14 миллионов, а сейчас это 40 миллионов.

Укрепление валюты. Повышение процентных ставок может привести к укреплению национальной валюты, что, в свою очередь, может снизить стоимость импорта и улучшить торговый баланс. Извините меня, комбайн импортный. Спасибо, «снизили».

Отрицательные последствия: замедление экономического роста, безработица. Это пожалуйста, это мы видим каждый день. Безработица и опустение сельской местности, отток населения. Райцентр уже пустеет, я уже про село не говорю. Замедление экономического роста налицо. Кредитование практически в нулях не только у сельхозпредприятий, но и у физических лиц. Развитие экономики практически остановлено. А дальше что? Банкротство, крах.

Я думаю, что политику Центрального банка нужно менять, но для этого сначала нужно менять сам закон о Центральном банке, чтобы какие-нибудь государственные органы все-таки имели влияние на его политику. На сегодняшний день никакого законодательного влияния нет. А сейчас что? Как минимум, ключ должен быть 3%. Извините меня, это же безумие. Сбербанк кредитует мое предприятие под 20% годовых. Выручка предприятия — 550 миллионов, 70 миллионов — прибыль, 60 миллионов — проценты. Нормально? Мы на кого работаем-то? И зачем это нужно? Для того чтобы рабочие места сохранить? Предприятие не мелкое, среднее. Это 12 тысяч гектаров пашни. И выручка в 550 миллионов неплохая. А мы ничего не зарабатываем, мы все кому-то и куда-то отдаем.

К чему мы приходим? Наверное, к спекулятивной экономике 90-х годов. Мне выгоднее сейчас за один миллиард рублей продать активы, положить деньги на депозит и ничем не заниматься. В итоге я заработаю 150 миллионов в год, а сейчас у меня остается десять. Так извините меня, куда мы пришли-то? Поэтому меня не удивляют новости. КамАЗ — 220 миллиардов убытков. Где КамАЗ? Почти уже нет. С АвтоВАЗом проблемы, четырехдневка — все то же самое. Это же одна большая технологическая цепочка.

Те же самые проблемы у производителей сельхозтехники. Я не буду их касаться, я думаю, они сами с удовольствием поделятся своими проблемами.

(01:05:00)

Что Ростсельмаш, что Кировский тракторный завод — я его знаю много-много лет и в том числе лично знаком с Серебряковым. Только-только они встали на ноги, произвели прекрасный новый трактор. А что сейчас? Я вам скажу так: за последние три года я купил

одну единицу техники. Такого не было никогда. Мы ежегодно покупали два комбайна, три-четыре энергонасыщенных трактора. Я купил за три года всего один зерноуборочный комбайн. А что дальше?

В этом году тоже ничего не просчитывается. Та ключевая ставка, которая на сегодняшний день, то, что снизили – это капля в море. Кредитная нагрузка у нас от этого не снизилась. Мало того, что не так-то и просто даже за 20% в Сбербанке получить деньги для того, чтобы провести весенне-полевые работы. Вторую неделю пытаемся получить. На сегодняшний день ситуация такова. Спасибо.

Юрий Пронько: На мой взгляд, после этого выступления можно дискуссию заканчивать по одной простой причине, что здесь есть еще одна проблема: когда слушаешь людей с мест, которые реально стоят на земле, вспоминаешь другой аспект. Не только Центральный банк, но и профильные министерства правительства вообще прекратили какое-либо общение с экспертным сообществом. Они почему-то считают себя вообще безгрешными, абсолютно правыми. Есть профильные бизнес-организации, и их немало, которые вырабатывают рекомендации, которые, предвидя возникновение или формирование очень серьезных проблем, пытаются их предупредить. Никто никого не слышит вообще.

И вот здесь идут вопросы. Один из них звучит так: а приглашались ли представители того же Центрального банка? Приглашались. Никто не приезжает. Никто не участвует в дискуссиях. У них есть другие форумы, где они под камеры подписывают сами с собой же договора, документы.

В новых обстоятельствах меня всегда поражает проведение таких форумов, как в Петербурге и во Владивостоке. Я сейчас даже про официальную часть, про неофициальную лучше вообще не знать никому. Сами с собой подписывают. То, что можно подписать в течение года, специально отодвигают на Петербургский форум или на форум во Владивостоке, чтобы тем самым показать, что типа все хорошо. На мой взгляд, отсутствие диалога с экспертным сообществом и самообман — это сейчас самые серьезные проблемы, которые сформировались в нашей стране. Отсюда и вытекает все то, о чем говорил наш коллега.

Андрей Владимирович, я хотел бы к вам обратиться. Здесь прозвучала такая фраза «возвращаемся в 90-е». Но, я надеюсь, не утвердительно, а пока вопросительно. Вы согласны с этим посылом? Как вы считаете, где мы находимся?

Андрей Щербаков: Я тут как-то посчитал, что нынешний кризис у меня уже седьмой. Первый был в 1992 году, дальше в 1998-м, и так далее. У меня уже седьмой кризис, который мы переживаем.

Юрий Пронько: Все сидящие к вам присоединятся.

Андрей Щербаков: Да, я думаю, мы все присоединяемся к этому. Я хочу сказать, что, наверное, только кризис 1992 года был глубже, потому что там рухнуло все: все связи между предприятиями, между отраслями и так далее. И там посыпалась практически вся экономика. Сегодня мы еще до этого не дошли, но мы уже близки к этому. Поэтому если сейчас не предпринимать каких-то серьезных мер, я думаю, правильно коллега говорит,

что мы дойдем до этого.

Я решил просто сказать несколько слов, именно то, что коллеги не сказали, и то, что, я считаю, нужно отметить. Первое. У нас война идет пятый год. Страна воюет, страна несет потери, причем уже достаточно серьезные. В документах Центробанка мы слово «война» вообще не видим и СВО не видим. Он живет своей жизнью, которая к нам никакого отношения не имеет. У него все хорошо, эта жизнь его не касается. Это первое.

(01:10:01)

Дальше. Президент ставит задачу развиваться выше среднемировых темпов. При этом при всем глава Центробанка одновременно говорит: нет, мы будем охлаждать экономику, мы ее не будем разогревать, она и так слишком разогрета. Вопрос такой: кто у нас хозяин в стране? Возникает и следующий вопрос: кто управляет страной?

Дальше. Нам ЦБ рассказывает, что у нас очень низкая безработица. Но на что они опираются? Они опираются на количество людей, которые зарегистрированы на бирже. Но вы понимаете, в чем дело? Ведь наша биржа не дает людям никаких преференций. Доход, который человек получает, стоя на бирже, совершенно копеечный, причем абсолютно нерегулярный. Получается, что на биржу ходят «профессиональные безработные». У них действительно такая специфика, имеется какой-то дополнительный доход. Они ходят на биржу, отмечают, получают пособие и так далее.

Здесь есть руководители предприятий, я думаю, они подтвердят мои слова, что чаще всего это люди, которые имеют какой-то пассивный доход. И при этом, чтобы не числиться где-то на предприятиях, они таким образом позиционируют себя в нашей экономической системе, чтобы потом получать пенсию. Фактически, опираясь на данные биржи, мы не можем сказать о безработице.

С другой стороны, у нас есть 17 миллионов самозанятых. Это люди, которые так или иначе как-то существуют. Их доход в среднем около 14-15 тысяч рублей. Но эти люди явно не живут на эти деньги. Очевидно, что они имеют какие-то другие доходы. Соответственно, эти 17 миллионов — это тот самый кадровый резерв, который у нас есть, и который можно совершенно спокойно переташить в промышленность, чтобы она развивалась. То есть никакого дефицита рабочей силы у нас нет в принципе.

Следующий вопрос. Нам ЦБ все время говорит о том, что у нас перегружены производственные мощности. Я не знаю, откуда они берут эти цифры, но даже Росстат в предыдущие годы показывал 60-70% загрузки мощностей. Это максимум. На сегодняшний день, насколько я знаю, это 40-50%. Извините, это уже не охлаждение, это уже практически близко к смерти. Когда предприятие загружено на 40%, его уже фактически пора закрывать.

У нас как-то была дискуссия на площадке Госдумы, куда вдруг неожиданно пришел представитель ЦБ, что было очень удивительно. Это произошло впервые. Тут вы абсолютно правы. Мы уже много-много лет, лет 20 точно, постоянно говорим о том, что политика ЦБ, да и вообще финансовых властей, не соответствует интересам страны. Они работают на кого-то другого, но не на страну. И на протяжении длительного времени к нам в дискуссию никто не ходит, потому что вы правильно сказали, у них своя правда, свои методы, свои

методики. Они все время ссылаются на то, что их методики проверены МВФ: из МВФ приходят указания, мы их и соблюдаем, мы все правильно делаем. А то, что вы делаете, — это все к жизни никакого отношения не имеет. Но жизнь-то показывает ровно обратное: то, что нам идет от ЦБ и от МВФ, как раз наоборот, сегодня приносит вред нашей стране.

Так вот, мы как-то были в дискуссии. Очень интересно все-таки послушать, когда тебе отвечают на твои вопросы. Это было в конце ноября, начале декабря, то есть кризис уже был полноценный, многие предприятия уже действительно закрывались. За прошлый год у нас закрылось 240 тысяч малых и средних предприятий. В этом году мы ожидаем уже 400 тысяч, по нашим расчетам. При всем при этом председатель ЦБ говорит: «А мы опросили 15 тысяч предприятий, и они сказали, что у них все хорошо».

Но давайте уж говорить честно. Что значит «они опросили 15 тысяч предприятий»? Вот вы глава предприятия, к вам приходит бумага из вашего банка (понятно, что не напрямую из ЦБ). Вы напишете вашему банку, который вас кредитует, что у вас все плохо? Нет, конечно. Вы скажете: «У меня все хорошо, у меня все замечательно».

(01:15:01)

Потому что иначе на вас будут смотреть сквозь лупу, и вам не то что кредит не дадут, я думаю, у вас возникнут проблемы даже с расчетным счетом. Естественно, вы напишете, что у вас все хорошо. То есть считать, что ЦБ может получать здесь адекватную информацию, естественно, нельзя.

И последнее, что я хотел сказать. Про инфляцию. Инфляция — это вещь, конечно, плохая. Но с другой стороны, если у нас зарплата растет быстрее инфляции, то, по большому счету, какая разница, какая инфляция? Этот таргет, который нам все время ставят, это главное.

Юрий Пронько: Это было в начале нулевых. Именно такая ситуация.

Андрей Щербаков: Да, и я как раз это хотел сказать. В 2000-х годах у нас инфляция была высокая, при этом зарплата росла быстрее. И нам было все равно, какая инфляция, если она никому не мешала. Если экономика развивается, если при этом зарплата растет, за это можно платить высокой инфляцией. Если инфляция ниже роста зарплаты, ничего страшного в этом нет.

И еще один вопрос, который я хотел бы подчеркнуть. На протяжении последних как минимум 30 лет у нас, и если посмотреть на историю XX века и начала XXI века, мы нигде не видели монетарной инфляции. Чисто монетарной инфляции мы не видели нигде. Она всегда сопровождалась какими-то проблемами, связанными с экономикой, политикой, какими-то политическими решениями и так далее. Если взять сегодняшний день, что у нас гонит инфляцию? У нас инфляцию гонит следующее. Во-первых, монополии, которые регулярно поднимают цены. Нам рассказывают о том, что, дескать, мы поднимаем цены на то же ЖКХ, на электричество и так далее, потому что инфляция. Ребята, все наоборот. Когда ЖКХ поднимают нам цены, следом — вот она и инфляция. Они инфляцию и провоцируют.

Дальше, плавающий курс. Об этом уже много раз говорили, что плавающий курс такой: рубль укрепляется — цены растут, рубль ослабляется — цены опять растут. У нас это прямо

так.

Ну и ставка. Надо же признать все-таки, что процентная ставка — это тоже инфляционный фактор. Причем мощнейший инфляционный фактор, который почему-то не учитывается никоим образом.

Ну и последнее, что я хотел сказать. Чтобы выйти из этой ситуации, мы должны всю нашу финансовую банковскую систему просто переделать. Банки должны стать институтами развития. Не способом высасывания денег из экономики, чем они сегодня являются, а реальными институтами развития, чтобы банки финансировали промышленность, инфраструктурные проекты, чтобы отвечали за это дело. Без финансирования экономики мы не двинемся никуда. Деньги — это кровь экономики. Если мы не будем их вкидывать, ничего не получится. Мы просто не сможем не то что развиваться, мы жить не сможем. А сегодня у нас банки занимаются тем, что, наоборот, оттягивают эту кровь из экономики. Спасибо.

Юрий Пронько: Сложно не согласиться. Экономика — это, безусловно, цифры, это факты, это показатели. Но есть, на мой взгляд, абсолютно монетизированное понятие — это уверенность. Да, оно не исчисляется конкретно в рублях и процентах, но в последнее время, на мой взгляд, и сейчас я хочу задать этот вопрос всем участникам дискуссии, уверенность, можно сказать, уверенность в завтрашнем дне, стала уходить. Она стала испаряться. Мы сегодня вспоминали и 90-е, и начало нулевых, и Олег Сергеевич абсолютно справедливо вспомнил: не только зарплаты росли при высокой инфляции, но и процентные ставки были совершенно другие.

И тогда возникает вопрос: если мы действительно перестали говорить о таком понятии, как инвестиционный климат, как инвестиции... Академик Глазьев, Сергей Юрьевич, теперь уже вопрос как к академику, а не как к чиновнику: есть ли ощущение действительно потери уверенности в завтрашнем дне из общения с предпринимателями, с коллегами по экономической науке? Или это все-таки скорее, как говорят, «в моменте» и пройдет?

Сергей Глазьев: Сегодня много было тревожных выступлений. Но я скажу, что адаптивность нашего предпринимательского сообщества очень высока.

(01:19:57)

И, к удивлению всего мира, например, мы за пару лет переориентировались в торговле с Запада на Восток, практически не почувствовав санкций в отношении внешнеторговых операций, по меньшей мере. Я убежден, что мы можем легко поправить ситуацию, если приведем денежную политику в соответствие хотя бы со здравым смыслом. Я на пленарном заседании говорил, что потенциал выпуска — мы обсуждали на Петербургском экономическом форуме — от 3% до 8%. 3% — это минимальная оценка того, что можно было бы получить сейчас, в этом году, ничего особенного не предпринимая. То есть в рамках тех решений, которые есть, просто приведя политику ЦБ в соответствие с очевидными требованиями делового сообщества. А если применить инструменты поддержки инвестиционной активности, которые имеются, то можно выйти и на 8%, не в этом году, так в следующем. То есть здесь потенциал пока есть.

Я к тому, что кризис носит рукотворный характер, и так же, как из-за неадекватной политики мы получили сейчас сжатие инвестиций, точно так же можно достаточно быстро вернуться в норму. Пока, во всяком случае, несмотря на падение производства, которое мы сегодня фиксируем в нашем сельскохозяйственном машиностроении по выступлениям наших коллег-промышленников. Они ведь готовы нарастить выпуск. Они не говорят, что мы не можем, они готовы нарастить выпуск, если будут созданы соответствующие макроэкономические условия.

Поэтому я думаю, что надо срочно менять денежную политику и приводить ее в соответствие со стратегическими планами, которые приняты в государстве, в том числе с решениями высшего политического руководства об обеспечении темпов экономического роста. Денежная система должна быть встроена в систему стратегического планирования. И я приведу пример из Беларуси. Там в прошлом году был введен показатель для банков — наращивание инвестиционных кредитов на 16%. Им показали вектор, что вы должны делать как банки. Так они нарастили в 1,5 раза. Нельзя сказать, что там прямо какой-то бум, но это говорит о том, что и банковской системой можно управлять.

Я согласен с Андреем Владимировичем, что банковская система должна работать как институт развития. Вся. Именно так она работает в Китае. Все банки работают как учреждения, призванные расширять кредит. Кредит производственной сфере. Не спекулянтам, а именно производственной сфере. Поэтому в Китае если и появляются пузыри, то они не спекулятивно-финансовые, они в производстве. Они, по меньшей мере, хотя бы дают прирост потребительских благ.

Так что я в этом смысле оптимистично смотрю на ситуацию, потому что ее пока еще можно исправить, пока депрессивная болезнь не зашла слишком далеко.

Юрий Пронько: Вы дважды сказали «пока». Почему?

Сергей Глазьев: Потому что дальше начинается разрушение уже производственного потенциала. Если нет инвестиций, если предприятия прекращают производство, они могут какое-то время продержаться на голодном пайке, но когда сокращение идет в разы, как в сельхозмашиностроении, то долго такое не может продолжаться. Дальше — замещение импортом.

Юрий Пронько: Что, собственно, и происходит. Оксана Генриховна, так все-таки уверенность испаряется, исчезает? И если да, то как ее вернуть?

Оксана Дмитриева: Первое, что здесь надо сказать: получается, что главное — ЦБ, правительство борется за экономический рост, а Центральный банк ему мешает. Что касается источника инвестиций. Не обольщайтесь. Основной источник инвестиций — это собственные средства предприятия. В машиностроении и в обработке так и вообще 75-80%. Это прибыль и денежный поток из амортизации и остального. Поэтому кредиты составляли до 10% от инвестиций. Даже бюджет платил больше.

(01:25:05)

Поэтому здесь важно совмещение. Это и налоговая политика, потому что, безусловно, без

инвестиционной льготы по налогу на прибыль инвестиции ниоткуда не возьмутся. Фондовый рынок, о котором все время талдычит Набиуллина, пока не заработает, потому что если у вас депозитная ставка доходила до 24%, кто пойдет на рискованный фондовый рынок с 10-15%? И то этого не дадут.

Много говорили, да и бизнес жалуется на то, что одновременно налоговая политика, ключевая ставка и укрепление рубля очень сильно подорвали все возможности и по конкуренции, и по импортозамещению. Но что значит политика укрепления рубля? Ведь вся политика формирования ФНБ, использования средств ФНБ, которая вообще совершенно бессмысленна, построена для валютных спекулянтов, о которых здесь уже говорилось. Потому что кто этот процесс придумал? Получают валютный доход, продают его на открытом рынке, дают бюджету. Затем бюджет для того, чтобы положить средства в ФНБ, снова покупает валюту, а потом, для того чтобы использовать средства ФНБ, ее снова Центральный банк продает. Причем продает тогда, когда не нужно, покупает тогда, когда тоже не нужно — все наоборот, и тем самым вообще «усиливает уверенность в завтрашнем дне». Так кто у нас ее подрывает? Волатильность, о которой они всю дорогу говорят, так они же сами ее и создают.

Несколько замечаний, о которых я просто не могу не сказать. По поводу производительности труда. Кто-то сказал о том, что производительность труда — это такой показатель, который очень любят сравнивать «набиуллины». Когда мы говорим по отношению ко всей стране, ВВП делим на число занятых, то это вообще бессмысленный показатель. Мы можем говорить «производительность труда» в нефтедобыче, когда производится натуральный продукт, тогда мы можем оценить. А тут, с учетом показателя ВВП, чем больше у нас финансовых спекулянтов... Потому что они же такой продукт. Один финансовый спекулянт создаст столько ВВП, сколько несколько «Ростсельмашей» не сделают никогда.

И когда происходит сдвиг в пользу обрабатывающих, наукоемких, трудоемких отраслей, то, естественно, у вас больше занятость. В обработке она, естественно, дает у вас снижение показателя, когда в целом по ВВП снижение производительности труда. Чем больше крен в добывающие сырьевые отрасли, где высокая рентная составляющая, тем будет выше производительность труда. Это говорит об абсолютной безграмотности.

В силу своего статуса я вынуждена читать «Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики» от начала до конца и каждый год. И в этом году я просто дала чату GPT и китайской нейросети задание разработать единую денежно-кредитную политику. Получила лучший документ. Он без повторов, он лучше тех. Там примерно то же самое, но лучше сделано. Это вообще не вызывает никаких вопросов. За пять минут искусственный интеллект вам выдаст единую денежно-кредитную политику с небольшими комментариями.

Юрий Пронько: Академик Глазьев как-то об этом говорил, что уборщица в Центральном банке может управлять процессом денежно-кредитной политики, как она сейчас проводится.

Оксана Дмитриева: Абсолютно! Даже не в Центральном банке, она может, находясь где угодно, задать разным искусственным интеллектам.

Юрий Пронько: И ведь не хуже будет.

Оксана Дмитриева: Будет лучше! Потому что когда читаешь тексты «Единой денежно-кредитной политики», там бесконечное внутреннее противоречие.

(01:30:03)

Потому что это компилятивные документы, и он так выстраивает. Поэтому, безусловно, должна меняться политика, должен меняться кадровый состав. Но дело в том, что уже воспитано поколение с экономическим образованием в Высшей школе экономики на том, что Солнце крутится вокруг Земли, а не Земля вокруг Солнца. И такого очень много, для них это просто прописные истины, а дальше они на них работают.

Юрий Пронько: У нас осталось буквально несколько минут, и я хочу задать вопрос всем участникам этой дискуссионной площадки. Он звучит очень просто: если бы вы могли дать один совет Центральному банку, что бы вы посоветовали? Андрей Владимирович, давайте с вас начнем и по нарастающей к нам. Банальный вопрос.

Андрей Щербаков: Если бы только один совет, то я бы все-таки начал с повышения монетизации нашей экономики. Чтобы у нас экономика была не как сейчас, 58% от ВВП, а хотя бы где-то ближе к ста.

Юрий Пронько: То есть вот этот совет?

Андрей Щербаков: Да.

Юрий Пронько: Отлично.

Андрей Чепухин: Один, достаточно краткий: ключ — 3%. И я думаю, что банки нас завалят дешевыми деньгами. И мне не нужно будет 60 миллионов в год отдавать спекулянтам, я лучше отдам «Ростсельмашу» и Кировскому тракторному заводу. А там такая цепочка: и производители шин, и так далее. Вся страна смежников задышит. 3% — ключ.

Юрий Пронько: Олег?

Олег Сухарев: У меня совет неожиданный: слишком много в документах Центробанка прямых — я это подчеркиваю — ошибок, включая и про собственные средства. Это тоже мантра Набиуллиной. Она говорила в Думе, что не надо бояться высокой ставки, потому что на авансовом капитале, на кредитах и так хозяйствующие субъекты не живут. Они должны развиваться из собственных средств. Но рассказали же вам, что лучше положить на депозит и жить на проценты. Это раз.

Во-вторых, собственные средства — что? Прибыль. Как ее получить, когда спрос сжимается? Не на объемах же, а цену поднять. Правильно? То есть вот он вам, механизм генерации цен от высокой ставки. А вывод простой: не хватает логики, не хватает ума, не хватает усилия воли над собой читать научных работников России, включая Сергея Юрьевича Глазьева, который не чиновник, а прежде всего ученый. На мой взгляд.

Юрий Пронько: Согласен. Сергей Юрьевич, один, но важный совет.

Сергей Глазьев: Я уже все советы дал сегодня. Их больше, чем один. И, наверное, их не может быть один. А если один, то в Центральном банке нужно заменить догматиков на инженеров.

Юрий Пронько: И тогда еще к вам, к вам конкретно еще один вопрос от Владимира Сергею Глазьеву: что бы вы сделали в первую очередь, если бы возглавили Центральный банк? Тут и другие были более каверзные вопросы.

Сергей Глазьев: Я бы привел политику денежную в соответствие со здравым смыслом.

Юрий Пронько: Понимаю. Оксана Генриховна.

Оксана Дмитриева: У меня один очень короткий: уйти в отставку.

Юрий Пронько: Кадры имеют значение. Сложно не согласиться. Владимир Николаевич.

Владимир Боглаев: К сожалению, мой совет был сорван. Оксана Генриховна его взяла и забрала. Я, правда, хотел сказать: «Пора убегать», — такой был мой ответ. Но Оксана Генриховна более мягко сказала. Если смотреть по советам, то голосованием мы с Оксаной Генриховной победили всех остальных, потому что надо давать советы, которые можно исполнить. Так вот, из всех советов, которые можно исполнить, у Центрального банка есть только один вариант исполнить наш совет, это — пора убегать.

Юрий Пронько: Вот такой итог нашей дискуссии. Мы с вами поняли, что ситуация далеко не фатальная, хоть действительно очень сложная, и может иметь далеко идущие последствия. Как неоднократно сказал академик Глазьев, пока еще есть основания для развития. А вот услышат ли участников Московского экономического форума те, кто принимает решения, покажет ближайшее время. Спасибо большое.

(01:34:50) (Конец записи)